

С.В. Ижединова

Несколько месяцев у буров

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.В. Ижединова**
Несколько месяцев у буров / С.В. Ижединова – М.: Книга по Требованию, 2017. – 346 с.

ISBN 978-5-517-99536-0

ISBN 978-5-517-99536-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта книга — запоздалая книга. Обстоятельства помѣшали ея появленію тотчасъ послѣ моего возвращенія изъ Южной Африки. Это, вѣроятно, способствовало бѣльшей точности моихъ свѣдѣній и провѣркѣ первыхъ впечатлѣній; но для многихъ, съ горячимъ сочувствіемъ слѣдившихъ у насъ за геройской борьбой послѣднихъ лѣтъ, она представила бы тогда объясненіе происходившихъ фактовъ, издали казавшихся странными и непонятными. Въ то время я ожидала освѣщенія этихъ вопросовъ отъ многихъ, побывавшихъ въ Трансваалѣ, и не думала, чтобы обработка моихъ замѣтокъ и впечатлѣній могла представить болѣе чѣмъ частный интересъ относительно дѣятельности нашего санитарнаго отряда. Прочитавъ эту книгу, станетъ ясно, почему я не особенно торопилась будить неприятныя впечатлѣнія и амбулаціонныя дразги. Но, какъ оказывается, при всемъ говорившемся и писавшемся о бурахъ, наша серьезная литература осталась въ этомъ отношеніи крайне бѣдной, и я, по правдѣ сказать, не знаю ни одной русской книги сколько-нибудь удовлетворительно касающейся народнаго характера буровъ, значенія этой войны для ихъ будущей исторіи, а также многихъ изъ наиболѣе интересныхъ и выдающихся ея дѣятелей. Таковъ, прежде всего, президентъ Штейнъ, личность и значеніе котораго я и попыталась выяснитъ подробнѣе; таковы генералъ Кронъ, Вильбуа, Альбрехтъ и нѣкоторые другіе. Столь же неполнымъ, даже въ специальныхъ сочиненіяхъ, осталось освѣщеніе многихъ фактовъ и факторовъ борьбы — напримѣръ, сдача Кронъ и ея дѣйствительное значеніе въ ходѣ событій, участіе въ войнѣ европейцевъ и друг. То же надо сказать и о самой странѣ, бытѣ, характерѣ буровъ и складѣ ихъ прежнихъ національныхъ учрежденій, по бѣльшей части затронутыхъ нѣсколькими поверхностными и не всегда справедливыми словами. Все это побудило меня собрать, наконецъ, разбросанныя по разнымъ газетамъ статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, дополнитъ и связать ихъ, въ надеждѣ, что такое болѣе полное изложеніе поможетъ многочисленнымъ у насъ друзьямъ буровъ выяснитъ себѣ многое, оставшееся смутнымъ и непонятнымъ. Въ противоположность часто неудовлетворительнымъ

условиямъ самой работы и амбулантныхъ отъѣздовъ, я считаю, что, какъ наблюдатель, обстоятельства сложились для меня *особенно* счастливо и удачно, давъ мнѣ возможность побывать въ три театра войны, изъѣздить чуть не всю страну, познакомиться съ фронтовой и лагерной жизнью буровъ, и все же въ наиболее интересные, критическіе моменты находиться въ главныхъ городахъ — Преторіи, Блумфонтенѣ, Кронстадтѣ, гдѣ смыслъ событій сосредоточивался и выражался всего определеннѣе. Кроме того, немногимъ удалось такъ близко сойтись не только съ заурядными членами мѣстнаго общества, но и съ некоторыми изъ руководящихъ дѣятелей или изъ семьями, что дало мнѣ возможность, даже по возвращеніи, постоянно провѣрять свои впечатлѣнія, а также многихъ другихъ, писавшихъ по этому вопросу и приводимые ими факты. Въ настоящее время я могу сказать, что, если рассказъ единичнаго человека, все же столь близкій къ событіямъ, неизбежно долженъ страдать иногда отсутствіемъ полноты и всесторонности, даже мелкими неточностями въ подробностяхъ, — все дѣйствительно интересное и существенное, все представляющее новый фактъ или освѣщеніе, противорѣчащее ранѣе появившимся даннымъ, является у меня результатомъ не только рассказовъ и слуховъ, а проверено вполне добросовѣстно посредствомъ заявленій, отчасти письменныхъ, наиболее освѣдомленныхъ на этотъ счетъ мѣстныхъ дѣятелей, а по возможности основано и на строго документальныхъ данныхъ.

Составленная въ такихъ условіяхъ, я надѣюсь, что настоящая книга, несмотря на нѣкоторые признаваемые мною недостатки — все же представить интересъ для многихъ увлекавшихся народомъ и дѣломъ, ставшими мнѣ родными и близкими въ теченіе описанныхъ здѣсь мѣсяцевъ.

И буду вполне довольна, если мнѣ удастся возстановить въ ихъ настоящемъ освѣщеніи нѣсколько фактовъ и личностей, и прежде всего самый народъ буровъ, по моему плохо, недостаточно понятый большинствомъ изъ побывавшихъ его, приравнивавшимъ къ нему современную европейскую мѣрку, да и то весьма поверхностнымъ образомъ. Этимъ я заплачу хотя отчасти долгъ благодарности за оказанныя мнѣ тамъ столь многими гостепримство и ласку.

С. Изъединова.

14 декабря

1902 г.

С.-Петербургъ.

ГЛАВА I.

Однимъ изъ интересныхъ явленій общественной жизни Европы на рубежѣ только что смѣнившихся двухъ столѣтій для будущаго ея историка несомнѣнно явится послѣдовательное и, въ большинствѣ случаевъ совершенно безкорыстное увлеченіе героической борьбой за правое и патріотическое дѣло буровъ, проявленное обществомъ почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

У насъ, въ Россіи, общество особенно горячо откликнулось на этотъ порывъ и до сихъ поръ дѣятельно проявляетъ свои симпатіи многочисленными пожертвованіями, какъ явствуетъ изъ опубликованнаго пасторомъ Гиллотомъ отчета объ употребленіи суммъ, воступившихъ въ его распоряженіе для облегченія участи несчастныхъ бурскихъ семей, лишенныхъ этой жестокой войной крова и всякихъ средствъ существованія. Но особый интересъ возбудило въ нашемъ обществѣ образованіе еще въ началѣ войны, т. е. осенью 1899 года, на общественныя пожертвованія савитарнаго отряда, снабженнаго средствами и всѣмъ необходимымъ матеріаломъ чуть ли не лучше всѣхъ остальныхъ отрядовъ, перебивавшихъ въ Трансваалѣ.

Для незнакомыхъ съ организаціей этого дѣла напомню, что деньги, жертвуемыя въ пользу буровъ, за отказомъ принять ихъ голландскаго посланника, обязаннаго по своему положенію соблюдать полнѣйшую нейтральность, были направлены къ пастору С.-Петербургской голландской общины, г-ну Гиллоту, извѣстному по организаціи сбора пожертвованій и дѣла помощи у насъ въ тяжелый 91-й годъ и во многихъ другихъ случаяхъ, требовавшихъ широкой организаціи благотворительнаго дѣла. По его инициативѣ и подъ его предсѣдательствомъ былъ организованъ комитетъ для помощи бурамъ, преимущественно изъ видныхъ членовъ голландской колоніи въ С.-Петербургѣ, и, послѣ запроса у повѣреннаго въ дѣлахъ южно-африканскихъ республикъ д-ра Лейдса, было

рѣшено на собранныя средства отправить въ Южную Африку санитарный отрядъ.

Этотъ отрядъ, совершенно независимый отъ высланнаго почти одновременно отряда русскаго Краснаго Креста, было рѣшено образовать только наполовину изъ русскихъ; половину же его членовъ, ради удобства сношеній съ правительствомъ и жителями Трансвааля, набрать въ Голландіи и во главѣ его поставить доктора-голландца. Отъ русскихъ же членовъ требовалось обязательно знаніе нѣмецкаго языка и выставлялась на видъ желательность хотя нѣкотораго знакомства съ голландскимъ или англійскимъ. Мнѣ, занимавшейся уже болѣе двухъ лѣтъ въ больницѣ и хирургическомъ пріемѣ Георгіевской общины сестеръ милосердія и хорошо владѣющей нѣмецкимъ и англійскимъ языками, при чемъ ознакомленіе съ голландскимъ не представлялось особенно затруднительнымъ, удалось тотчасъ попасть въ составъ этого отряда. Остальные русскіе члены были врачи: Ѳ. К. Веберъ, операторъ петербургской больницы Св. Маріи Магдалины, старшій изъ русскихъ докторовъ и единственный имѣвшій степень доктора медицины; К. К. фонъ-Рененкампфъ изъ Александровской нѣмецкой больницы; Л. Борнгауптъ, ассистентъ профессора Бергмана въ Ригѣ, и В. Ал. Кухаренко, врачъ московской больницы Св. Екатерины. Сестры, кромѣ меня, были: старшая, безусловно самая опытная изъ насъ, Іозефина Ежовская, сестра Крестовоздвиженской общины, работавшая уже въ санитарномъ отрядѣ въ греко-турецкую войну; Амалія Якобсенъ и Іоганна Мейеръ изъ Александровской нѣмецкой больницы и Гильда Мейснеръ—Евангелической больницы, младшая изъ насъ.

Персональ отряда, за немногими исключеніями совершенно между собою незнакомый, впервые встрѣтился (въ полномъ составѣ) 11-го декабря 1899 года въ квартирѣ пастора Гиллота для подписанія условій нашей поѣздки въ Южную Африку на средства комитета, во главѣ котораго онъ стоитъ. Въ этихъ условіяхъ, кромѣ обязательнаго соблюденія нейтралитета между воюющими сторонами и остальныхъ правилъ женеvской конвенціи, многихъ изъ насъ непріятно поразили размѣры полномочій главнаго врача и начальника отряда, получившаго право не только безконтрольно распоряжаться всѣми матеріальными средствами отряда и рабочей силой его членовъ, но еще, безъ возможности протеста со стороны другихъ врачей, удалить всякаго неугоднаго ему члена, и удалить, не выдавая средствъ на возвращеніе въ Европу, что, конечно, должно было служить побужденіемъ для неимущихъ членовъ отряда подчиняться даже неразумнымъ и некорректнымъ выходкамъ и требованіямъ, если бы таковыя обнаружались. Сознаюсь, что меня сразу поко-

робила эта отдача насъ на полный произволь хотя бы и хорошо рекомендованнаго, но все же совершенно неизвѣстнаго намъ господина, и многіе изъ товарищей впослѣдствіи сознавались, что испытали то же самое чувство. Но мысль о необходимости дисциплины въ такомъ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, примѣръ старшихъ и болѣе опытныхъ членовъ отряда, каюсь, сознание, что я лично въ крайнемъ случаѣ всегда могу выбраться изъ этой исторіи на собственные средства, больше всего желаніе принять участіе въ интересной экспедиціи, — все это въ концѣ-концовъ побудило насъ всѣхъ подписать эти условія и тѣмъ поставить себя съ самаго начала въ неправильное и фальшивое положеніе. Главнаго врача, амстердамскаго доктора фанъ-Леерсума (спеціалиста по болѣзнямъ желудка), многія изъ насъ, сестеръ, даже и не видѣли въ его короткій пріѣздъ въ Петербургъ; доктора, кажется, разъ съ нимъ завтракали, и всѣ мы положились на его чувство отвѣтственности и порядочности и на осмотрительность комитета, руководившагося въ этомъ выборѣ, кажется, рекомендаціей голландскаго профессора Тиллануса. Помощникомъ себѣ по хозяйственной части д-ръ фанъ-Леерсумъ взялъ знакомаго уже съ Трансваалемъ инженера, г. фанъ-Мойѣна, на обязанности котораго лежало завѣдываніе всей хозяйственной частью экспедиціи и забота о продовольствіи и передвиженіи отряда въ незнакомой, рѣдко населенной странѣ при тяжелыхъ условіяхъ военнаго времени.

Полагаю, однако, что не отъ человѣка, знакомаго уже съ Трансваалемъ и условіями его климата, исходили нѣкоторыя изъ наставленій насчетъ экипировки, переданныя намъ отъ комитета. На совѣщаніи по этому предмету, состоявшемся въ квартирѣ пастора Гиллота, мнѣ, къ сожалѣнію, не довелось участвовать, такъ какъ извѣщеніе о немъ случайно дошло до меня слишкомъ поздно. Воплнѣ основательно, какъ предохранительное средство отъ мѣстныхъ лихорадокъ, было требованіе носить шерстяное бѣлье, хотя я знаю, что нѣкоторые изъ членовъ отряда на свой страхъ отъ него уклонялись, къ счастью, безъ особенно дурныхъ послѣдствій; также раціонально было требованіе имѣть высокіе, непромокаемые сапоги для работы въ полевыхъ лазаретахъ. Но только человѣкъ, незнающій трансваальскаго климата, могъ отсовѣтовать клеенчатые плащи для дождливаго времени и кожаныя или клеенчатыя укладки для вещей. Кожаныя и клеенчатыя вещи, какъ извѣстно, легко портятся въ тропическомъ климатѣ; но Трансвааль, по своему положенію внѣ тропиковъ и по своей высотѣ надъ уровнемъ моря, не подпадаетъ подъ эти условія и всѣ эти предметы употребляются мѣстными жителями и продаются въ Преторіи и другихъ городахъ, но, какъ всѣ предметы европейскаго ввоза, стоятъ тамъ буквально десятикрато противъ на-

шего, особенно въ военное время, когда подвозъ почти прекратился; на примѣръ, за гуттаперчевый плащъ съ насъ въ Преторіи спрашивали около 6-ти фунтовъ, т. е. 60 руб. Укладка такъ же, какъ мы убѣдились на примѣръ самого Мойэна, вполне возможна въ обыкновенные кожаные или брезентовые чемоданы или даже въ простые деревянные ящики, какъ были уложены перевязочный матеріалъ, провіантъ, инструменты и все остальное амбулаціонное добро. Насъ же почему-то обязали завести желѣзные ящики берлинской фирмы Диппельскирхъ, специально занимающейся экипировкой для тропическихъ странъ; ящики эти на дѣлѣ оказались довольно тяжелыми и громоздкими, и, кромѣ того, доставили еще намъ удовольствіе до Берлина тащить вещи въ кое-какой временной укладкѣ, а тамъ, вмѣсто отдыха, торопиться перекладкой ихъ въ знаменитые желѣзные сундуки. Предвидя возможность спѣшнаго передвиженія съ малымъ багажемъ, я, кромѣ того, захватила съ собою въ ремняхъ, вмѣсто туты, помѣстительные кавказскіе сѣдельные мѣшки и бурку, по примѣру сестеръ правительственнаго отряда Краснаго Креста, и эти двѣ вещи оказались самой пріятной и практичной частью моего багажа, такъ же какъ непромокаемые парусинные сапоги выше колѣнъ, также заимствованные мною у сестеръ офиціального отряда, снаряженныхъ на основаніи опыта отряда, раньше отправленнаго въ Абиссинію.

Форма намъ, въ отличіе отъ сестеръ правительственнаго отряда, взятыхъ изъ Георгіевской и Александровской петербургскихъ общинъ, съ ихъ коричневымъ костюмомъ, была дана сѣрая, изъ обыкновенной сѣрой холстинки, головная косынка и фартукъ обыкновеннаго образца русскихъ общинъ, при чемъ нѣсколько странный видъ долженъ былъ имѣть только красный крестъ, нашитый у насъ на необычномъ мѣстѣ— а именно на задней части косынки, чтобы англичане по насъ не стрѣляли, когда мы станемъ удирать, какъ острили нѣкоторые; въ дѣйствительности же этотъ крестъ, болтающійся на затылкѣ, вблизи довольно курьезный. издали, по своему малому размѣру, совсѣмъ терялся и при работѣ въ полѣ приходилось рассчитывать, конечно, ужъ не на него, а на общій видъ костюма. На недостатокъ крестовъ, въ видахъ безопасности, мы вообще пожаловаться не могли: у насъ, сестеръ, онъ, кромѣ затылка, былъ еще на груди, какъ у обыкновенныхъ общинскихъ сестеръ, и на перевязи на лѣвой рукѣ, обязательной, по женевскимъ постановленіямъ для членовъ санитарныхъ отрядовъ въ военное время. У докторовъ, кромѣ перевязи, кресты были еще на шляпахъ и, кромѣ того, купленные ими въ Берлинѣ у Диппельскирха хаки и пальто оказались съ маленькими красными крестами на воротникахъ и съ чеканными крестами на металлическихъ пуговицахъ.

Эти подробности теперь кажутся ничтожными, но тогда онъ насъ очень занимали, стоили много обсужденія и взяли много времени для своего выполненія, такъ что нѣкоторые изъ насъ едва справились съ экипировкой въ данный намъ 10-ти-дневный срокъ. Въ то же время хотѣлось, по возможности, повидаться съ родными и знакомыми, такъ какъ бѣжали мы съ нѣскольکو преувеличеннымъ понятіемъ объ ожидающихъ насъ лишеніяхъ и опасностяхъ и вполнѣ помирившись съ возможностью не вернуться вовсе.

Наконецъ, послѣ безконечныхъ тревоженій и хлопотъ, 13-го декабря мы всѣ собрались на завтракъ у пастора Гиллота, пожелавшаго напутствовать насъ, по его выраженію, «рыцарей и сестеръ Краснаго Креста», горячей и торжественной рѣчью. Кромѣ его напутствія, было произнесено еще нѣсколько рѣчей, въ свое время нашедшихъ себѣ мѣсто въ газетахъ, высказано много умныхъ и благородныхъ мыслей, выпито много тостовъ за отрядъ и его будущую дѣятельность, жертвователей и организаторовъ, успѣхъ дѣла etc.

Не знаю какъ другіе, но у меня отъ всего этого осталось только общее и довольно смутное впечатлѣніе: невольно думалось о личныхъ дѣлахъ, разлукѣ съ родными, послѣднихъ предстоящихъ хлопотахъ и тому подобномъ. Отъѣздъ былъ назначенъ на другой день съ 12-ти-часовымъ поѣздомъ на Берлинъ, Мюнхенъ, Римъ и Неаполь, гдѣ мы должны были встрѣтиться съ нашими голландскими товарищами и сѣсть на пароходъ нѣмецкой южно-африканской линіи «Канцлеръ», взявшій уже изъ Амстердама весь огромный и сложный багажъ амбуланціи, числомъ около 600 ящичковъ. Закупка всего необходимаго матеріала въ Амстердамѣ была рѣшена вслѣдствіе удобства для начальника отряда и для администратора заняться ею тамъ, относительной дешевизны всего этого въ Голландіи, а также удобства погрузки на гамбургскій пароходъ. Съ Неаполя же мы становились уже подъ непосредственное начальство г-на фанъ-Леерсума; до того же русскимъ докторамъ была поручена забота о насъ, сестрахъ, денежная же и хозяйственная часть поѣздки возложена на старшаго русскаго врача, доктора Вебера. Въ виду неудобства самому вникать во всѣ мелочи дорожнаго расхода сестеръ, при непривычкѣ почти всѣхъ ихъ къ путешествію за границей, д-ръ Веберъ, за отказомъ старшей изъ насъ, сестры Ежеской, съ перваго же дня передалъ мнѣ эту часть своихъ обязанностей, съ которой я, нѣсколько знакомая съ условіями заграничной жизни, справлялась какъ умѣла, и сношенія по этому предмету положили начало нашимъ неизмѣнно хорошимъ отношеніямъ во все продолженіе экспедиціи.

Многіе изъ жителей Петербурга помнятъ горячіе проводы гро

мадной толпой совсѣмъ незнакомыхъ людей, двухъ санитарныхъ отрядовъ, отпавленныхъ въ Южную Африку. На первыхъ проходахъ правительственнаго отряда я, пришедшая проститься съ знакомыми сестрами Георгіевской общины, чуть не была сброшена подъ поѣздъ напоромъ возбужденной толпы. О второмъ я помню массу горячихъ рукопожатій и пожеланій знакомыхъ и совершенно незнакомыхъ лицъ, страшную давку, почти невозможность какъ слѣдуетъ проститься со своими, и невольное облегченіе, когда, наконецъ, раздались послѣдніе свистки и поѣздъ, среди востроженныхъ криковъ, молитвъ и крестныхъ знаменій, посылаемыхъ намъ вслѣдъ, отошелъ отъ дебаркадера.

Въ поѣздѣ, кромѣ захваченнаго каждымъ изъ насъ небольшого запаса провизіи, мы оказались щедро снабженными отъ членовъ комитета, а то и неизвѣстныхъ друзей: были тутъ закуски, вино, фрукты конфекты въ такомъ количествѣ, что ихъ хватило еще на корабль и кое-что даже пришлось выбросить, такъ что мы трунили междусобой, что начало поѣздки не сулитъ еще намъ опасности отъ лишеній, а развѣ только отъ излишества. Въ иномъ настроеніи это все было бы еще болѣе кстати и пріятно; тутъ же прежде всего хотѣлось отдохнуть отъ хлопотъ и волненій послѣднихъ дней и даже дѣло сближенія съ незнакомыми товарищами въ этотъ первый день шло туго и подвинулось только въ Берлинѣ, при общихъ хлопотахъ и необходимости соглашаться на счетъ общихъ движеній.

Пріѣхавъ въ Берлинъ на другой день, 15-го, къ вечеру, мы, послѣ очень нужнаго ночного отдыха, весь почти день были заняты закупкой тѣхъ необходимыхъ вещей, покупку которыхъ оставили до Берлина, а затѣмъ укладкой стараго и новаго въ желѣзные ящики отъ Диппельскирха. Намъ, сестрамъ, въ этомъ складѣ пришлось покушать только ящики и кое-какую мелочь, на примѣръ, походныя фляжки, зашитыя въ войлокъ, съ ремнями, пристегивающимися къ поясу или сѣдлу, ножи и т. п.; доктора же заводили полную экипировку—хаки и другіе тропическіе костюмы, непромокаемая пальто (не клеенчатая) etc., которые приходилось еще шить и прилаживать. Въ этомъ отношеніи фирма Диппельскирхъ выказала большую предупредительность, несмотря на рождественскіе праздники (по нов. ст.), приготовивъ все въ одинъ день; взамѣвъ же этого мы, по ихъ просьбѣ, сдѣлали имъ любезность сняться общей группой въ купленныхъ у нихъ вещахъ. Фотографированіе въ новыхъ необычныхъ костюмахъ, къ тому же вечеромъ при освѣщеніи магніемъ, обошлось, конечно, не безъ смѣха и курьезовъ, но фотографія, которую мнѣ потомъ довелось видѣть, вышла довольно удачная и, говорятъ, была выставлена на радость берлинскимъ бюрофиламъ и прославленіе фирмы и ея произведеній. Съ большимъ за-

трудненіемъ все это было окончено, костюмы сняты и уложены такъ, что мы еще попали на вечерній поѣздъ прямого сообщенія съ Римомъ, такъ какъ оставшіеся у насъ до отплытія «Канцлера» нѣсколько свободныхъ дней мы предпочитали провести въ Италіи и дорожили каждымъ часомъ. Собственно я охотно удѣлила бы день на хорошо знакомый и милый мнѣ по прежнимъ путешествіямъ Мюнхенъ, но нельзя было отставать отъ товарищей и, проѣхавъ безостановочно Мюнхенъ, живописный Инсбрукъ, перевалили Бреннеръ, ночью миновали Верону, Миланъ, на зарѣ были во Флоренціи, но съ искреннимъ сожалѣніемъ могли только видѣть, какъ таяли въ розовомъ утреннемъ туманѣ куполь собора и башни Campanile и palazzo vecchio. Затѣмъ послѣдовалъ прелестный даже въ зимнее время Val d'Agno, еще нѣсколько маленькихъ мѣстечекъ съ всесвѣтно-громкими именами и часа въ два мы, наконецъ, достигли Рима и тутъ впервые почувствовали вполне опредѣленно, что оставили сѣверъ за собою. Остановились мы въ Hôtel Hassler, и я никогда не забуду радостное впечатлѣніе выставки цвѣтовъ на продажу вокругъ фонтана Piazza di Spagna: оставивъ три дня назадъ Петербургъ при 20-ти градусномъ морозѣ, душа радовалась на это обиліе душистыхъ красокъ—лилій, розъ, фіалокъ, ирисовъ, гвоздикъ, грудями лежавшихъ вокругъ журчащаго фонтана у подножія грандіозной лѣстницы.

Вообще на этотъ разъ мы имѣли дѣло болѣе съ живописной и современной стороной Рима: грандіозной красотой его общаго вида съ холмовъ позади св. Петра, типичностью отдѣльныхъ зданій, уголковъ и фигуръ, встрѣчающихся при самой бѣглой прогулкѣ по его улицамъ, прелестью его садовъ и виллъ. На музеи намъ не хватало времени, да и дни были неподходящіе: канунъ и самый день Нового года, но нового года столѣтняго (1900), такъ что мы сочли себя особенно счастливыми, запасшись билетами на торжественную полунощную мессу въ соборѣ св. Петра. Билеты эти продалъ намъ гидъ, водившій насъ по собору и папскимъ садамъ; потомъ оказалось, что впускали всѣхъ безо всякихъ билетовъ, — но вѣдь надо жить и гидамъ. Для меня же впечатлѣніе этого ночного торжественнаго богослуженія въ самомъ грандіозномъ храмѣ христіанскаго міра и послѣдующей ночной прогулки по Риму, гдѣ мы едва не заблудились, несомнѣнно стоило подачки не одному гиду.

Въ Римѣ намъ еще осталось памятнымъ послѣднее впечатлѣніе Россіи, родного привѣта и ласки, хотя отъ чужихъ, мало знакомыхъ людей, но своихъ, русскихъ. Въ одной гостинницѣ съ нами стояли князь Долгорукій и его супруга, княгиня Лидія Алексѣевна, заинтересовавшіеся нашимъ отрядомъ вслѣдствіе того, что ихъ племянникъ, графъ Павелъ Алексѣевичъ Бобринскій, имѣлъ намѣреніе примкнуть къ одному изъ рус-

скихъ отрядовъ Краснаго Креста на пути въ Трансвааль, что онъ впоследствии и осуществлялъ, сами же они въ Русско-турецкую войну 77-го года завѣдывали санитарнымъ складомъ и могли дать намъ много интересныхъ и цѣнныхъ указаній. Тамъ же мы встрѣтились съ В. П. Волковой, рожденной графиней Гейденъ, дочерью члена русско-голландскаго комитета графа Петра Александровича; такимъ образомъ, мы въ Римѣ встрѣчали Новый годъ (по тамошнему) еще не совсемъ отрѣзанными отъ родной Россіи и потомъ долго еще вспоминали найденныхъ тамъ чужихъ друзей и наслаждались цвѣтами и конфетами, съ которыми проводили насъ при отъѣздѣ эти послѣдніе милые русскіе, съ которыми мы вѣли дѣло, оставляя Европу.

Мы уѣхали изъ Рима 1-го января новаго стilia около полудня и къ ночи были въ Неаполѣ. Такъ какъ нашъ пароходъ даже еще не пришелъ и о голландскихъ товарищахъ также не было никакихъ слуховъ, мы рѣшили оставившійся намъ свободный день употребить на большую экскурсію по окрестностямъ Неаполя: пароходомъ на Капри и оттуда въ Сорренто, затѣмъ по корришѣ неаполитанскаго залива въ экипажъ до Помпей и завершить все это ночнымъ подъемомъ на Везувій. Обширный плаванъ на 24 часа; но съ вступленіемъ на корабль завершался для насъ послѣдній часъ относительной свободы; ожиданіе въ будущемъ тяжелыхъ зрѣлищъ, невзгодъ и опасностей съ неувѣренностью возвращенія возбуждало нервы и послѣ холода, серьезныхъ настроеній и мелочныхъ заботъ послѣднихъ дней въ Петербургѣ хотѣлось использовать этотъ послѣдній часъ въ Европѣ, насладиться прелестью южной природы въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, прежде чѣмъ вступить на путь труднаго и небезопаснаго долга. Зато и достигли мы своей цѣли: поѣздка по морю, голубой гротъ, прогулка по пригрѣтому солнцемъ Капри, между его виноградниками, были сплошнымъ наслажденіемъ, такъ что во время поѣздки въ экипажѣ между Сорренто и Помпеей и глазъ, и мозгъ устали воспринимать вѣчно мѣнявшіяся картины природы, одну другой красивѣе. Еще оригинальнѣе, хоть и очень утомителенъ, былъ предпринятый послѣ краткаго отдыха подъемъ на Везувій въ темнотѣ при факелахъ, отравленный только гамомъ и приставаньемъ толпы назойливыхъ неаполитанскихъ гидовъ и погонщиковъ нашихъ несчастныхъ маленькихъ лошадевокъ. Везувій сдѣлалъ намъ честь подышать при насъ въ шутку огнемъ и выбросить нѣсколько камней, а затѣмъ во время спуска мы вполне насладились бы зрѣлищемъ лежавшаго глубоко подъ нами неаполитанскаго залива при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, если бы опять не оранье закабалившихъ насъ трещащихъ итальянцевъ и сознаваемая нами самими необходимость спѣшить возвращеніемъ въ Неаполь, что мы